

DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-3-614-624

УДК 215

Original Paper

Оригинальная статья

Проблема тотального субъекта в методологии теологии

Г.А. Галявиева^{1а}, А.В. Писаренко^{1б}

¹Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2408-2488>, e-mail: galyavieva.gulnaz@yandex.ru

^бe-mail: pisart34@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается аспект отношения к человеку-исследователю теологического дискурса. В ней отражены процессы «разделения» веры на субъективную и объективную. Из чего постулируется, что теологический дискурс обращён именно к объективно-ориентированной вере, поскольку она представляется более реальной для человека, так как по необходимости именно от него и исходит. «Разделение» веры, с одной стороны, языковой трюк – это показано непосредственно через сам язык и процессы его различения (оппозиций), с другой стороны, через массив детерминаций веры человека по отношению к традициям, культуре, семье и обществу в целом. Вследствие чего авторы указывают, что данное разделение демонстрирует непрозрачность человеческого субъекта для него же самого, и вместе с этим рушится и его тотальность. В итоге имеют место быть некоторые возможные проблемы, связанные с методологией, построенной на концепте тотального субъекта.

Ключевые слова: объект веры; субъект веры; методология теологии; язык; история

Для цитирования: Галявиева Г.А., Писаренко А.В. Проблема тотального субъекта в методологии теологии. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(3):614-624 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-14-3-614-624

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The problem of the Total Subject in the Methodology of Theology

G.A. Galyavieva^{1a}, A.V. Pisarenko^{1b}

¹*Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2408-2488>, e-mail: galyavieva.gulnaz@yandex.ru

^be-mail: pisart34@gmail.com

Abstract: The article deals with the aspect of an attitude towards a person, researching Theological Discourse.

The article reveals the processes of marginalizing the so-called Subjective and Objective Faith. Thus, the theological discourse is directed precisely to an objective-oriented faith, since it seems more real for a person, and it necessarily comes from him. Separation of faith, on the one hand, is a language trick shown directly through the language and processes of linguistic distinction (the opposition); on the other hand, through an array of determinations of one's faith according to the traditions, culture, family and society as a whole. As a result, the authors point out that this division shows the opacity of a human being according to his/her own nature, which leads to a person wholeness collapse. As a result, some possible problems related to the methodology based on the concept of the total subject are identified.

Keywords: object of faith; subject of faith; Methodology of Theology; language; History

For citation: Galyavieva G.A., Pisarenko A.V. The problem of the Total Subject in the Methodology of Theology. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(3):614-624 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-614-624

Введение: проблематика методологии теологии

Как правило, проблемы методологии теологии рассматриваются через соотношение философии, теологии и науки.

Первый вопрос, поставленный в теологии, – это вопрос о предмете: кто именно сделал человека теологом. Например, В. Шмаллий начинает с принципиального уточнения: «Предмет теологии – не Бог, но мысль и слово о Боге, звучащее в христианской истории» [1].

В.П. Рожков комментирует данное определение следующим образом: исходя из заявленной позиции, священник и богослов Шмаллий считает, что теологическое познание «мысли» и «слова» о Боге предполагает изучение богословских, доктринальных, полемических, канонических и литургических

литературных памятников, к анализу которых могут обращаться такие гуманитарные науки, как история, языкознание, философия [2, с. 308].

В.К. Шохин указывает, что в текстологических трудах уровня «Суммы теологии» Фомы Аквинского явно просматриваются признаки теоретического знания в широком смысле этой категории. К таковым он относит наличие определенных исходных оснований, идеализированных объектов, фундаментальных понятий, способов доказательств, утверждений, выводов. С позиции обозначенного подхода им выделяются два основных компонента, создающих структуру предмета теологии: системообразующие и прикладные дисциплины [3, с. 31].

Существует большое количество взглядов на предмет теологии, однако, по нашему мнению, все они в основном могут быть классифицированы на две группы: на те, что заключены только в рамках религии, и те, что распространяются на множество гуманитарных наук, в том числе с использованием различных подходов с целью изучения феноменов, связанных с религиозным сознанием.

В первом случае мир трактуется через религию, во втором – религия через мир (науку), и в этом, на наш взгляд, принципиальное отличие теологии от богословия.

Иными словами, Бог не реален, как человек, Он находится за пределами нашей реальности и не может быть ей описан. Мы, таким образом, с одной стороны, ограничены в познании Его, поэтому для знания о Нём обращаемся к религиозным Писаниям. С другой же стороны, вполне реален сам человек со всем тем набором чувств, что он испытывает, и испытывать он это не может вне данной ему реальности, а значит, всё это может быть описано и наукой. Этим мы хотим подчеркнуть принципиальное разграничение предмета теологии от всего того, что может соотноситься с человеком в религиозном дискурсе и при этом описываться или изучаться посредством науки.

И тут по определению теолог должен быть верующим, то есть он должен испытывать чувство веры, чтобы задать свой первоначальный вопрос, рождающий саму теологию. Этим самым вопросом он совершил различие на себя и на веру. Вера для него уже не просто часть его субъективности, но объект вовне. Одновременно на языковом уровне вера является для него смыслом, что само по себе – объективно. Следовательно, мы можем сделать предположение, что вера (как минимум на языковом уровне) может рассматриваться как субъективно (то, что есть для меня), так и объективно.

Часто, например, в исламской традиции вера лишается своей непрозрачности. Она становится прозрачной, так как связывается только с субъектом. Человек рождается с присущей ему чистой верой «фитра». Именно «фитра» – это та изначальная природа души, которая тянется к добродетели [4, с. 305]. Соответственно, душа есть человек, субъект и вера? Однако мы рассмотрим феномен веры с другой стороны. Отличие веры субъективной от веры объективной на языковом уровне понимается как различие смысла и содержания.

Объект и субъект веры

Вера – объект, а значит, на неё могут влиять другие различные объекты, как, впрочем, и наоборот: она может влиять на них. Человек, обозначающий себя верующим, конечно же, уверен в этом, и одновременно неверующим быть не может [5, с. 84]. С другой стороны, каким образом и почему он обозначил себя именно таковым? Этот вопрос открывает взор на прозрачность веры.

Мы можем сказать, что наша вера, или, скорее, самоидентификация себя верующим, соткана из множества феноменов, которые могут детерминировать нас: это и история той культуры или традиции, в которую вера включена, это и различные психологические, социальные конструкты, которые имеют влияние на описание и конституирование веры в отношении нашего существования, возможно, и многое другое.

Совершенно очевидно, когда мы начинаем говорить о вере и культуре, мы не можем отрицать тот факт, что культура и традиции напрямую влияют на интерпретацию веры разных народов в разные периоды. Было бы несправедливо утверждать, что ислам татар, башкир, арабов, народов Кавказа – совершенно одинаков, как, собственно, и православие русских, живущих близ православных центров, и православная вера мордвы, удмуртов, марийцев и чувашей. Они различны, и различия эти формировались теми традициями, в которых развивалась религия.

Например, И.О. Чумичева, изучая верования черкесов, пишет, что «если современный исследователь видит противоречие между язычеством, христианством разных конфессий и исламом, то условные «черкесы» (представители разных национальностей региона) его не замечали, легко присваивая интересное для них из приходящих верований, но сохраняя древний, исконный субстрат. Теоретически, контактная зона расселения этих народов требовала либо сохранения своей религиозной идентичности, либо принципиального ее

изменения. В истории известно и то, и другое, но жители Северного Кавказа демонстрируют удивительную гибкость мировосприятия в сочетании с негибкой верностью своим традициям» [6, с. 134].

С другой стороны, социальной, религию, часто используют в качестве инструмента нравственного воспитания ребенка, тем самым происходит нравственное влияние родителей и других членов семьи на ребенка. Вместе с тем ребенок перенимает образ веры, религию родителей как тот базис, на котором могут строиться нравственные постулаты, особенно если речь идет о религиозной семье.

С.З. Бойматов пишет: «Нравственное влияние – это моральное воздействие одного человека на другого, вследствие чего поведение одного становится объектом подражания для другого. При этом подражание бывает сознательным и бессознательным. Сознательное подражание – это такое подражание, когда подражающий сперва всесторонне оценивает поведение, поступок другого, которому он подражает, и лишь после этого творчески принимает его поведение как пример, образец, эталон поведения. Бессознательное подражание – это механическое заимствование образца поведения одного субъекта другим субъектом» [7, с. 112].

Для нас здесь интересно именно механическое или бессознательное принятие образа веры ребенком от членов своей семьи. Мы этим самым можем обозначить детерминацию веры со стороны семьи. Массив убеждений о том, какова вера, что это такое, как она определяется и т.д., закладывается в человека изначально семьей.

В итоге, обозначение человека себя верующим фрагментируется на субъект и объект. Оно не есть продукт исключительно чувств и религиозного или мыслительного опыта человека, а значит, не тотально его существование, не едино и не однородно. Вместе с опытом существования личная вера смешана со всем тем пластом убеждений, которые господствовали или господствуют в семье, традициях, культуре, обществе в целом и т.д.

Всё это выявляет одну из главных проблем в методологии современной теологии – проблему тотального субъекта. Субъект якобы подчиняет себе всё, так как идёт путём прямым, для него бытие тождественно мышлению, потому что мышление есть некое явление, которое напрямую связывается с душой, а значит, с Богом.

Если в таком положении Бог не подчинён мышлению, то есть субъекту (человеку), то весь мир точно подчиняется, и если не мышлением, то хотя бы религиозными догмами, которые, соответственно, трактуются как нечто тождественное бытию. Соответственно, для такого восприятия в центре стоит человек, его чувства, конечно же, религиозная вера, он, таким образом, в своём видении тотален.

Однако мы показали, что субъект непрозрачен, он ускользает от самого себя. То есть самоидентификация верующим не может быть тотальным субъектом, не может принадлежать чисто его воле, быть им. Здесь отныне вообще нет никакого «чисто». «Чисто» – это только про Бога, про которого, как мы подчеркнули, больше Писаний. Соответственно, мир субъекта разрушается. Человек думал, что мир дан для него, что он над миром, однако случается совершенно обратное. Вера не так уж и абсолютна для его свободы, поэтому чувство может быть детерминировано.

Вообще абсолют субъекта над всем коварен не только в отношении веры, но и во многих вещах, особенно напрямую связанных с религией. Дело так же обстоит и с языком, а вернее с религиозным текстом. Поскольку религия (например, ислам) дана через Писание, то есть через текст, то такое же отношение к языку как к чему-либо низшему по отношению к субъекту будет тотально обречено. Тотальный субъект, уверенный в своей тотальности, относится к языку как к совершенно прозрачной вещи, тогда как сам язык может играть с ним в «игры» [8, с. 97]. В.В. Бибихин говорил, что ум языка прям и неведом нам по существу, «в нём мудрость самой земли, которой глупость не противоположна. Надо заглянуть туда – странно сказать куда: в то, что мы сами говорим каждый день. Могло ли такое случиться, что суть говоримого нами проходит мимо нас, что язык без нас несёт что-то своё?». [9, с. 96].

То есть если субъект привилегирован, то и язык этого субъекта будет таковым же, он довлеет над языком.

Поэтому вместе с тотальным субъектом рождается и тотализирующий, привилегированный дискурс. Из этого следует, «что разуму, как вещи замкнутой каждый раз, рассказывая истории, сводя всё к одному тотальному знаменателю, мы сходимся на бессмысленности их истинности – так как это по-прежнему будет история о некотором внесознательном, рассказанная сознанием самому себе» [10, с. 37]. Следовательно, наш язык, как и реальность,

не могут быть тотальны в одном каком-то дискурсе, то есть в одной тотальной субъектности.

Таким же образом дело обстоит и с историей. История, рассказанная привилегированным субъектом, создаёт тем самым исторический метанарратив, то есть связывает исторические фрагменты между собой часто не совсем обоснованно. Например, в кинозале нам показывают на экране отрывок фильма длиной в десять секунд, в котором мужчина ест макароны, затем экран отключается на час, а после нам показывают очередной отрывок фильма длиной в десять секунд, в котором женщина кормит грудью младенца. Фактически из данных двух сцен нам не известно, показывали нам фрагменты из одного и того же фильма либо это были разные фильмы, связаны ли эти фрагменты друг с другом, имеется ли какой-нибудь смысл вовне их и т.д. То есть предположений может выводиться множество.

Тотальность субъекта над историей как раз демонстрирует такую ситуацию, в которой данные фрагменты, что были показаны нам, соединяются в нечто целое, в единый фильм, между ними может выстроиться мнимая связь со своей вполне допустимой логикой.

Д.С. Хаустов в своём историко-философском исследовании пишет, что если всё в истории имеет своё происхождение, то и точка зрения историографа также имеет своё происхождение, и поэтому историческое повествование оказывается – в большей или меньшей степени – не способным объективировать то, объектом чего оно само и является. Невозможно претендовать на истину в той истории, слепым орудием которой ты сам выступаешь. Решая эту проблему, Фуко выступает как очень последовательный позитивист: он говорит, что нельзя, что не научно вчитываться в факты литературы, что необходимо держаться только самих фактов, какими бы хаотическими и разрозненными они ни были. Этот позитивизм непосредственно связан с тем, что наши факты – следы без ссылки на то, что их оставило [11, с. 313].

Заключение

Всё это, несомненно, говорит о проблеме прозрачного отношения к субъекту. Особенно, когда субъект выступает привилегированно, отождествляя мышление с бытием. Также можно говорить о главной методологической проблеме теологии субъективности, истории, языка, психологии, социологии, ведь всё это и так находится в дискурсе религии.

Калькирование и подражание лишает собственную теологическую методологию уникальности или, что хуже, подменяет ее понятие. Научный дискурс как привилегированный создаёт особое пространство, в котором всё, что может ему противоречить, отталкивается им либо подводится под свою внутреннюю логику. Это может сказаться катастрофично на оригинальности как самой теологии, так и её методологии. Теологический дискурс, как и научный, равны между собой. В чём-то они могут противоречить, в чём-то сходиться. Но в одном мы уверены точно – в их идентичности и автономности. А значит, уникальности как одного, так и второго.

Литература

1. Шмалий В. К вопросу о предмете и специфике теологии. *Теология в системе научного знания и образования. Материалы слушаний Общественной палаты РФ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1610160-pall.html> (дата обращения: 19.01.2021).
2. Рожков В.П. Историко-философское обоснование предмета и методологии теологии в вузах РФ. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2016;16(3):306–310.
3. Шохин В.К. О проблемах интеграции теологии в системе образования и академических наук. *Теология в системе научного знания и образования. Материалы слушаний Общественной палаты РФ*. М.: Изд. Общественной палаты Российской Федерации; 2009. С. 28–32.
4. Аль-Газали М. *Нравственность мусульманина*. Рустамов И.А. (пер.). К.: Ансар Фаундейшн; 2003. 364 с.
5. *Комментарии имама Акмалюддина аль-Бабирти к завещанию («аль-Васья») имама Абу Ханифы*. Казань: Издательский дом «Хузур»; 2019. 144 с.
6. Чумичева О.В. Парадоксы «черкасской веры»: между исламом, христианством и языческими традициями. *Археология и этнология северного Кавказа*. 2017;7:133–145.
7. Бойматов С.З. Роль нравственного влияния на формирование «роль нравственного влияния на формирование» нравственных качеств личности. *Наука и новые технологии*. 2007;3–4:112–113.
8. Биbihин В.В. *Слово и событие. Писатель и литература*. М.: Университет Дмитрия Пожарского; 2010. 416 с.

9. Хаустов Д.С. *Лекции по философии постмодерна*. М.: РИПОЛ классик; 2018. 288 с.

10. Девятова С.В. Проблемы методологии современной христианской теологии. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии*. 2016;4(34):36–42.

11. Орлов М.О., Полохов Д.Н., Петрова К.Ю. Теология в системе гуманитарных наук: особенности предмета и методологии. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2019;4:313–323.

References

1. Shmaliy V. K voprosu o predmete i specifikе teologii [To the question of the subject and the specifics of theology]. *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya. Materialy slushaniy Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii* [Theology in the system of scientific knowledge and education. Materials of the Russian Federation Public Chamber hearings]. [Electronic source]. Available at: <https://textarchive.ru/c-1610160-pall.html> (Accessed: 19.01.2021). (In Russian)

2. Rozhkov V.P. Istoriko-filosofskoe obosnovanie predmeta i metodologii teologii v vuzah RF. [Historical and philosophical justification of the subject and methodology of Theology in the universities of the Russian Federation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2016;16(3):306–310. (In Russian)

3. Shokhin V.K. O problemah integratsii teologii v sisteme obrazovaniya i akademicheskikh nauk [On the problems of integration of Theology in the system of education and academic sciences]. *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya. Materialy slushaniy Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii* [Theology in the system of scientific knowledge and education. Materials of the Russian Federation Public Chamber hearings]. Moscow: Ed. Public Chamber of the Russian Federation; 2009, pp. 28–32 (In Russian)

4. Al-Ghazali M. *Nravstvennost' musul'manina* [The morality of a Muslim]. Rustamov I.A. (trans.). Kiev: Ansar Foundation; 2003. 364 p. (In Russian)

5. *Kommentarii imama Akmaluyddina al'-Babirti k zaveshchaniyu ("al'-Vasya") imama Abu Hanify* [Comments of Imam Akmaluyddin al-Babirti on The Will ("al-Wasya") by Imam Abu Hanif]. Kazan: Khuzur Publishing House; 2019. 144 p. (In Russian)

6. Chumicheva O.V. Paradoksy “cherkasskoj very”: mezhdru islamom, hristianstvom i yazycheskimi tradiciyami [Paradoxes of the “Cherkassk faith”: among Islam, Christianity and Pagan traditions]. *Arheologiya i etnologiya severnogo Kavkaza* [Archeology and Ethnology of the North Caucasus]. 2017;7:133–145. (In Russian)

7. Boymatov S.Z. Rol’ npravstvennogo vliyaniya na formirovanie “rol’ npravstvennogo vliyaniya na formirovanie” npravstvennykh kachestv lichnosti [The role of moral influence on the formation of “the role of moral influence on the formation” of moral qualities of an individual]. *Nauka i novye tekhnologii* [Science and new technologies]. 2007;3–4:112–113. (In Russian)

8. Bibikhin V.V. *Slovo i sobytie. Pisatel’ i literatura* [Word and event. Writer and literature]. Moscow: Dmitry Pozharsky University; 2010. 416 p. (In Russian)

9. Khaustov D.S. *Lekcii po filosofii postmoderna* [Lectures on Postmodern Philosophy]. Moscow: RIPOLL classic; 2018. 288 p. (In Russian)

10. Devyatova S.V. Problemy metodologii sovremennoy khristianskoy teologii [Problems of methodology of Modern Christian Theology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya, sotsiologiya i sotsial’nye tekhnologii* [Volgograd State University Bulletin. Episode 7: Philosophy, Sociology and Social Technology]. 2016;4(34):36–42. (In Russian)

11. Orlov M.O., Polokhov D.N., Petrova K.Yu. Teologiya v sisteme gumanitarnykh nauk: osobennosti predmeta i metodologii [Theology in the system of Humanities: features of subject and methodology]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii* [Bulletin of Russian Christian Humanitarian Academy]. 2019;4:313–323. (In Russian)

Информация об авторах

Галявиева Гульназ Абдулахатовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры исламской теологии Российского исламского института, г. Казань, Российская Федерация.

Писаренко Артур Валерьевич, бакалавр теологического факультета Российского исламского института, г. Казань, Российская Федерация.

About the authors

Gulnaz A. Galyavieva, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Islamic Theology of Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation.

Artur V. Pisarenko, student of Theological Faculty of Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конflikте интересов

Авторы заявляют об отсутствии кон-
flikта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 февраля 2021

Одобрена рецензентами: 04 июля 2021

Принята к публикации: 01 сентября 2021

Conflicts of Interest Disclosure

The Authors declares that there is no
conflict of interest.

Article info

Received: February 25, 2021

Reviewed: July 04, 2021

Accepted: September 01, 2021